

A black and white photograph of Lev Rubinshteyn, an older man with glasses and a beard, wearing a light-colored button-down shirt and dark trousers. He is standing in front of a wall covered in graffiti. The graffiti includes large, stylized letters in red and blue, and the word 'STOP' in blue. The background is a brick wall with some graffiti, including a star and some illegible text.

Лев Рубинштейн Знаки внимания

CoRpus

Рубинштейна читать хочется — для получения физиологического удовольствия. Когда никого рядом, а ты смеешься, даже хохочешь в голос, и выбегаешь, чтобы пересказать.

Петр Вайль

Лев Рубинштейн

Знаки внимания (сборник)

«Corpus (АСТ)»

2012

Рубинштейн Л. С.

Знаки внимания (сборник) / Л. С. Рубинштейн — «Corpus (ACT)», 2012

ISBN 978-5-271-43464-8

Поэт, публицист, критик и один из основоположников московского концептуализма Лев Рубинштейн много лет пишет колонки для разных изданий. Честному человеку порой очень сложно смолчать. Просто не каждый способен облекать мысли в слова. Рубинштейн умеет это делать как никто другой. Его колонки всегда точны и остроумны, не зря они моментально расходятся цитатами в социальных сетях. Новая книга Льва Рубинштейна – собрание колонок, написанных им за последние годы для “Граней”, “Большого города”, Esquire и др.

ISBN 978-5-271-43464-8

© Рубинштейн Л. С., 2012

© Corpus (ACT), 2012

Содержание

В конце концов	6
В конце концов	6
Вот и нету великана	8
Горячая линия	10
Модернизированная магия	12
Вид из окна	14
Против естественного	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лев Рубинштейн Знаки внимания (сборник)

Свои впечатления от окружающей жизни я привык сверять "по Рубинштейну". Его короткие эссе обладают поразительным качеством: очень точно формулируют то, что ты чувствовал, но недопонимал или не мог выразить словами.

Григорий Чхартишвили

Ум без самомнения, порядочность без нотаций, естественные веселье и грусть, гражданские чувства без натуги, личное достоинство без заносчивости, а главное – бодрость духа, хотя под любым углом зрения дело швах.

Сергей Гандлевский

"Утром в газете – вечером в куплете" – эта формула давно устарела. Газеты и журналы печатают совсем не то, что хотелось бы читать. Самое важное сразу попадает в куплеты. Вернее, в колонки поэта, критика, публициста и одного из основоположников московского концептуализма Льва Рубинштейна. Его умные, едкие и всегда точные колонки цитируют в социальных сетях, их читают во время кухонных посиделок, на них ориентируются, когда не могут точно сформулировать собственный взгляд на происходящее вокруг.

В конце концов

В конце концов

Конец света, говорите? Ну-ну. Даже интересно. Не знаю, кто как, но я еще ни разу не видел...

Иногда к нам приходят откровения, многозначительные метафоры и прочие свидетельства нашей самопровозглашенной гениальности, и сильный, хотя и недолговечный восторг от наших открытий чудных сопоставим по интенсивности лишь с тем горьким разочарованием, которые мы испытываем, когда узнаем, что все это придумано и открыто до нас и без нас.

Я, например, в детстве придумал такую вещь. А вдруг так случилось, что я уже умер, но этого как бы не заметил? Вот как-то так внезапно умер, вроде как бабушка, которая умерла во сне. И мне лишь кажется, что я живу так же, как и жил всегда, – вот мои родители, вот мой брат, вот мои приятели, вот я иду в школу, вот я с помощью проволоочной клюки гоняю по улице ржавый обруч от бочки, вот качусь я в санках по горе крутой. А на самом-то деле меня нет, а где-то там, в уже не доступном для меня мире, плачут-убиваются мои родные. А Сашка Смирнов, давясь слезами, говорит: “Да, зря я все-таки отказался менять мою канадскую марку с Ниагарским водопадом на его тайландскую со слоном. Может быть, если бы я согласился, он бы не умер и мы вместе поехали бы в воскресенье на Главпочтамт, где какие-то хмыри обещали нам недорого (всего за семьдесят копеек новыми) продать две серии по четыре марки каждая – бельгийскую с ихними королями и Новую Зеландию с местными птицами. Эх!”

Уже будучи взрослым, я узнал, что подобные озарения навещали очень многих из моих сверстников.

Такая же точно ерунда случилась с моей более поздней, а потому и более масштабной гипотезой относительно того, что пресловутый конец света, о котором так долго говорили религиозные работники всех времен и народов, уже давно наступил, да только мы все его не заметили. И живем себе как ни в чем не бывало уже, так сказать, после всего. Но и это оказалось вполне расхожей штукой. А уже совсем потом появился термин “постмодерн”, который примерно про это самое и есть. А уж про “конец истории” и говорить нечего.

Теперь вот опять что-то про конец света. Все, конечно же, как умеют шутят на эту тему. И подчас не без нервной натужности. Ну, типа, а хрен его знает? А потому вдруг посреди потока макабрического остроумия то один, то другой невпопад вспоминает, что надо бы наконец-то забрать из химчистки дубленку, что хорошо бы не забыть завтра заплатить за телефон и что сын-балбес все никак не может исправить двойку по русскому. Хотя какая там дубленка, какой телефон, какая двойка?

Но всякого остроумия много. Когда-то мой друг и замечательный поэт Виктор Коваль сочинил такую памятку-плакат: “Отправляясь на тот свет, не забудьте выключить этот”. Это как раз про то самое, про “заплатить за телефон”.

Другой остроумный человек заметил, что Россия – страна, как известно, самая самобытная в мире – грядущий конец света встретит дважды: один раз вместе со всем миром, а чуть погодя, через тринадцать дней, мы будем иметь счастливую возможность отметить еще и Старый Конец света. Это, согласитесь, внушает некоторый оптимизм.

Конец света для людей религиозных категория вполне понятная. Это инвентаризация всего наличного состава людских душ и последующая их сортировка по тем или иным отсекам Вечности. Для человека секулярного это хороший повод подстегнуть собственное воображение. Конец света? Какого? Этого? А другой будет? А какой он будет? Лучше? Хуже?

“Скучно на этом свете, господа!” – горько воскликнул однажды великий Гоголь. А на каком весело?

Или вот только что мимо меня прошла средних лет, усталая и озабоченная дама, нервно говорившая в телефон: “ Ты не можешь себе представить этот кошмар! Сначала одно, потом другое. Все им не так, все им не нравится. Никакие нервы не выдержат! Ты знаешь, я просто сама не знаю, на каком я свете живу!”

Она, видите ли, не знает. А кто знает, в конце-то концов?

Вот и нету великана

Ужас-ужас. Вечно мы, закрутившись с текущей общественно-политической хренью вроде всяких идиотских выборов-перевыборов, упускаем все самое главное и судьбоносное. Пока мы тут умничаем, благодушествуем и бранимся, как малые дети, от нас тихой сапой ушли тараканы. Ушли не попрощавшись. Их нет больше с нами. Они ушли, как сказал бы действующий российский президент, если бы его вдруг огорошили вопросом о причине исчезновения тараканов.

Почему ушли? Да бог их знает. Застигнутые врасплох ученые-экологи гадают на кофейной гуще и выдвигают несколько причин: “1. У тараканов, питающихся остатками с нашего стола, где появляется все больше генно-модифицированных продуктов, эти вещества вызвали изменения в генетике, и они вымерли. 2. Неблагоприятно сказались евроремонты с применением химии и неэкологичных материалов. 3. Вина вата высокочастотная мобильная связь. 4. Нарушение озонового слоя сбило их биологические ритмы”. И еще чего-то.

Все перечисленное, наверное, имеет место, спорить с наукой – мракобесие.

Но позволю себе высказать сомнение. Когда это тараканы боялись трудностей? Они выживали еще и не в таких условиях. Дихлофоса они не боялись, а каких-то евроремонтов и высокочастотных связей, которых и в глаза-то никто никогда видел, или какого-то там озонового слоя они, видите ли, испугались. Подумаешь, говна пирога. Мы-то живем, и ничего.

Тут другое. Мы им просто надоели. Надоели до смерти. Ведь сколько лет вместе! Лет двести как минимум. И вот тебе на! Они устали от нашей неблагодарности. От вечного нашего нытья и пессимизма. От дурного – чего уж греха таить – отношения к ним.

Я что, не помню, что ли, как в любой компании, собравшейся по случаю того или иного славного юбилея за пиршественным столом, разговор рано или поздно сползал на тараканов? Я что, не помню, как все делились друг с другом самими надежными способами избавления от наших рыжих домочадцев? Я не помню разве всех этих яростных ковровых зачисток с применением всех видов химического оружия? Помню. Со стыдом и раскаяньем.

Теперь, когда его нет с нами, с каким-то особым чувством томительной безысходности звучат и без того не чересчур веселые слова поэта:

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.
Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат.
Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Поздно опомнились. Поздно попятились. Они ушли. Что имеем, не храним. А потерявши – плачем.

Экологи говорят об экологической катастрофе. А я – о гуманитарной. Что будет теперь, когда живой и актуальный таракан, столько лет прослуживший одной из продуктивнейших мифологем и сюжетобразующим фактором нашего общего быта и бытия, переведен в разряд мамонтов и птеродактилей.

Этот ужас не первый на моей памяти. Эта безвозвратная энтомологическая потеря – не первая в бесчисленной череде потерь. Первыми ушли майские жуки. Те самые, которые летали и жужжали во дворах и скверах моего детства. Те самые, которых мы ловили, сажали в спи-

чечные коробки, а потом втихаря засовывали за шиворот той или иной избраннице. Нежный и мелодичный девичий визг до сих пор звучит в моей благодарной памяти. Вспоминая о нем, мне до сих пор хочется зажать уши руками. Эх, было время...

Теперь вот тараканы.

Как жить без них? Что рассказывать детям? Мы же все вышли из “Тараканища”. Мы же все помним про таракана, попавшего “в стакан, полный мухоедства”.

Экологи занесут таракана в Красную книгу. А в книге под названием “Мировая культура” таракан поселился давно, прочно и навсегда.

А теперь он станет объектом бережной музеефикации, как, впрочем, и многие из нас, живых свидетелей живых тараканов. Вот предполагаемый диалог из недалекого уже будущего:

- Дедушка, ты честно видел живого таракана?
- Да, внучек, видел. И не одного. Давно это, правда, было.
- А таракан большой? Больше тебя?
- Нет, он маленький. Как ты.
- Деда, а динозавра ты тоже видел?
- Нет, динозавра видеть не приходилось, врать не буду.

Ученые бьют себя в грудь: “Тараканов надо вернуть, иначе может нарушиться пищевая цепочка и потреблять отходы человечества будет некому”. До каких же все-таки степеней эгоистично человечество! Значит, как их гнобить да травить, так мы первые. А как “потреблять отходы человечества”, так милости просим?

“А вот хрен вам! – скажет таракан. – Сами латайте теперь свою пищевую цепочку”. И ведь, признаемся, будет прав.

P. S.

На днях я спросил приятеля, до сих пор живущего в коммуналке и постоянно жалующегося на товарное количество рожденных ползать маленьких рыжих друзей, правда ли, что повсюду исчезли тараканы. В ответ на мой вопрос он как-то нехорошо хмыкнул и сказал: “Н-да? Не знаю, может, где-нибудь и исчезали...”

Так что, может быть, есть еще надежда?

Горячая линия

Я с детства и, признаюсь, до сих пор люблю такой почтенный и уютно старомодный жанр словесности, как заметки фенолога. Только нынче он куда-то совсем исчез. Видимо, ушли один за другим в иные пределы, где нет ни болезней, ни воздыхания, ни, что самое ужасное, сезонных изменений, скромные и работающие узкие специалисты вроде тех, кто умел когда-то необычайно ловко и до ужаса жизнеподобно рисовать птичек-зверушек и лепестки-травинки для энциклопедий и учебников.

А в детстве я этих фенологов читал в товарных количествах в отрывных календарях или простодушных, слегка придурковатых изданиях наподобие “Работницы”.

Об этой своей детской любви я говорил и писал, и даже неоднократно. А повторяюсь я лишь по той причине, что вроде как сам вознамерился выступить в этом жанре, сознавая при этом совершеннейшую тщету подобных намерений. Да и как расскажешь об умирающих от жажды кустах, о траве цвета хаки, об обжигающем аравийском ветерке, если не владеешь утерянным навсегда искусством надежно клишированной сезонной лирики.

В общем, жарко, господа. Ужасно жарко. Вот, собственно, что я и хотел сказать, предварив это не слишком оригинальное соображение довольно громоздким и явно лишним предисловием.

Жара становится иногда главным информационным поводом. А такие идиоматические обороты, как “жаркая дискуссия” или “горячая линия”, стремительно теряют свою метафоричность.

Интересно еще, что разные информационные поводы при всех их несходстве и, скажем так, разноплановости обнаруживают непостижимую способность рифмоваться. Вот скажите, что может быть общего между жарой и недавним судебным сюжетом, связанным с современным искусством? Что общего между жарой и “возбуждением ненависти”? Казалось бы, если и есть какая-нибудь связь, то скорее обратная, ибо сезонные аномалии, как правило, сплачивают людей в общей беде. Моя жена вот буквально вчера видела, как в метро какая-то молодая девушка упала в обморок и как весь вагон дружно приводил ее в чувство.

Но не всегда так.

Вот идет, например, одна моя знакомая с электрички в сторону своей дачи. Одета она по погоде, то есть, скажем прямо, минимально. Ну, как большинство из нас в эти дни. А рядом, видимо из той же электрички, идет тетка в длинном платье и в платке и с очень строгим лицом. С тем напряженным и подозрительным выражением лица, каковое в определенных кругах непостижимым для здравомыслящего человека образом ассоциируется с духовностью.

Идут они рядом пять минут, десять. Потом тетка вдруг произносит как бы в никуда: “Ад!” “Да, – охотно поддерживает разговор моя знакомая, – адская жара. И, говорят, еще хуже будет”. “Ад наступил, – продолжает тетка свою заветную мысль, – все голые ходят”. Знакомая благоразумно от продолжения темы уклонилась и продолжала движение молча. А тетка еще долго бормотала что-то про ад.

Про ад и рай представления, конечно же, у всех разные. Что и понятно: кто их видел-то, кроме Данте и Босха. Но как-то думается мне, что с людьми, для которых буквально адская жара – это вроде как не ад, а некоторая вольность внешнего вида – именно ад, причем крошечный, – с этими людьми не все в порядке. А их между тем очень много, и в некоторых местах нашей общей земной поверхности именно они устанавливают нормы, регулирующие общественные и частные представления о рае и аде, о добре и зле, о красоте и уродстве.

А нам что остается? А нам остается упорно и вместе с тем весело сопротивляться аду, явленному не столько даже крошечным зноем, который все-таки пройдет рано или поздно, сколько неизбывной человеческой глупостью.

Ну вот, я же предупреждал, что никаких заметок фенолога у меня не выйдет. Да и откуда – там никакого ада никогда не было. Там всегда только один сплошной рай, хотя бы потому, что в этих заметках было все, что угодно, – зверушки да птички, листочки да цветочки, пестики да тычинки, дождички да сосульки, ручейки да сугробы. Много чего там было. А людей там не было. А без них какой ад?

Модернизированная магия

Наша история – это не череда сменяющих друг друга идей. Это лишь “смена вех”, то есть смена авторитетной лексики и фразеологии, взятой на вооружение – иногда не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова – очередной властной, как бы это сказали в наши дни, элитой.

Многие сетуют: проблема нынешней власти преж де всего в отсутствии артикулированной идеологии.

А идеологии никогда и не было. Просто теперь это слишком хорошо заметно.

Во все времена страна управлялась лишь с помощью магии и присущих этой магии ключевых слов и словосочетаний. Когда эти мантры (сейчас бы сказали – слоганы) от чрезмерной эксплуатации протирались до очевидных прорех, приходили на смену другие, импортированные, как правило, из философских краев, но с помощью нехитрых усовершенствований приспособленные к местному бездорожью и туго надутые специфической духовностью здешних мест, духовностью, сообщающей мудреному заморскому диву необыкновенную легкость.

Нутряная потребность в царе-батюшке никогда не исчезала вовсе. Просто время от времени она властно требовала радикального терминологического обновления. Царизм пал оттого, что никак не мог избавиться от “самодержавия-православия-народности”. Все было сказано правильно: низы не хотели слушать старый язык, а верхи не могли заговорить на новом. На новом языке заговорили большевики. Вот и случилась революция, вследствие стремительных и бурных риторических мутаций давшая народу до сих пор горячо любимого товарища Сталина, успешно – в полном соответствии с глубинными народными чаяниями – исполнившего роль “отца”. В данном случае – отца народов. Он пробудил к новой жизни всю мощную и вечно актуальную темную архаику, временно, хотя и бурно припорошенную буквальным, наивным пониманием “мировой революции”, “братства народов” и “светлого будущего всего человечества”. Поэтому он и был, и остается – безо всякой иронии, безо всяких кавычек и в соответствии с нынешней терминологией – эффективным менеджером. Так что не извольте сомневаться, что в словаре синонимов современной российской политмагии “эффективный менеджер” (соврем.) является наиболее близким синонимом “великого гения всех времен и народов” (устар.). В двадцатом бурном веке и смена магических тезаурусов происходила довольно бурно. После “отца народов” появились безликие “партия и правительство”, в моем кругу обозначаемые аббревиатурой “ПиП”. Когда ПиП вместе со всеми своими “построениями коммунизмов”, “продовольственными программами”, “ленинскими миролюбивыми политиками” и “развитыми социализмами” стали вызывать приступы неконтролируемого хохота у всех, включая и самих колдунов, тогда и появились “ускорение”, “перестройка” и прочая “гласность”. Ну а дальше пошло-поехало. Одни слова сменить другие спешат, не дав ни минутки не только на то, чтобы их обдумать, но даже и запомнить.

А публика? А что публика? Произнесет какой-нибудь с высокого телеэкрана магическое слово “модернизация”, а уже легковозбудимая медийно-аналитическая общественность сидит и, перебивая друг дружку, гадают: будут пороть, не будут пороть. А другие, чуть менее нервные, все пытаются угадать, откуда и в какую сторону в этот раз понесут мимо них мешки с баблом. А вдруг чего по дороге просыплется, гадают более оборотистые. Хорошо бы оказаться неподалеку. Но и не слишком близко – на всякий случай.

Оно и правильно: ни в коем случае не надо пытаться задумываться над значениями произносимых ими слов. Суть и эффект магии не в значении слова и не в связях его с другими словами, а в самом его звучании, в интонации, в лицевой пластике произносящего, в ритме и частоте его повторений.

Любая магическая практика требует инструментального обновления. Иначе она перестает быть актуально действующей и превращается в лучшем случае в сырье для искусства, то есть для культурной канализации.

Любая магия такова. Кроме самой древней и, думается, наиболее по сей день актуальной, составлявшей и составляющей серьезную конкуренцию магии официальной. Недаром же во все времена эта магия, вечно живая и бесперебойно действующая, подвергалась столь яростным нападкам и запретам со стороны бдительных охранников госдуховности – хоть в рясах, хоть с учительскими указками, хоть в погонах, хоть в том, другом и третьем одновременно.

Но эта магия живет и побеждает. И она переживет все. И “модернизацию” тоже.

Вот скажи-ка, читатель, скажи честно, какие слова ты произнесешь ясно, отчетливо и страстно, если прямо перед твоим носом шмякнется сосулька размером в твой рост? Неужели ты скажешь: “Да, друзья, есть еще слабые места в развитии отечественных нанотехнологий”? Что-то не верится мне в это, если честно. Что-то мне подсказывает, что ты скажешь нечто совсем другое. Можешь не отвечать, что именно. Я и сам знаю.

Вид из окна

Я уже и говорил, и писал, что считаю себя исключительно благодарным путешественником. Мне нравятся все места, где я бываю.

Я знаю, что есть и другие люди, по-моему, не очень счастливые. Они, как правило, придирчиво смотрят скептическим глазом на все, что отличается от привычных им среды и атмосферы. Все, что они видят, слышат, нюхают, едят и пьют, им кажется подозрительным и недружелюбным. Иногда такие люди называют себя патриотами.

А еще бывают люди, редко где бывающие, но обо всем все знающие достоверно и судящие безапелляционно и строго. Это совсем отдельный случай.

Я вот только что съездил в город Львов, в котором бывал и прежде и который очень люблю. Даже и не вполне знаю за что. Красота, конечно же. Но не только: красивых городов я видел в избытке. Но, гуляя по Львову, я все время ловлю себя на пробуждении какой-то едва ли не генетической памяти. Возможно, эту самую память я и выдумываю, ибо знаю, что мои предки по материнской линии из тех мест. Так или иначе, но эта, совсем до поры до времени чужая и даже экзотическая, городская среда кажется мне родной и близкой. Мне все время казалось, что я родился и вырос в этом городе, хотя я точно знаю, что родился и вырос в Москве. Кстати, подобное ощущение я испытываю не только в Львове, но и в Вене, и в Варшаве, и в Вильнюсе. Я так и вижу, как мимо меня толпой шествуют мои далекие предки – в черных шляпах, долгополых сюртуках, длинных юбках и платках.

Когда я вернулся в Москву, знакомая дама, вполне образованная, узнав, что я только что из Львова, не преминула спросить: “А это правда, что в Львове за русскую речь можно схлопотать по физиономии? Туда вообще не страшно ездить?” Опечалившись, что ходячие предрассудки прорастают в мозгах даже и вполне разумных людей, я ответил, может быть, даже излишне резко. Я просто сказал: “А ты съезди да посмотри”. “То есть все это глупости?” – облегченно спросила она. “Да еще какие!” – сказал я.

Я, конечно, не стал ей говорить, что по роже в принципе можно получить где угодно – хоть за русскую речь, хоть за нерусскую. Причем на родине, в пространстве бытования родного языка, вероятность эта, пожалуй, повыше будет, чем в том же Львове. Но можно, видимо, и в Львове – почему нет. От вероятности столкнуться на жизненном пути с агрессивным жлобьем не может застраховать никто. И я слышал рассказы о том, как кому-то где-то отказались что-то продать или показать куда-то дорогу. Насчет того, чтобы “по физиономии”, мне, правда, слышать не пришлось. Но и это теоретически возможно.

А вот мне, так уж получилось, буквально ни разу не приходилось натолкнуться даже на самые легкие дуновения недоброжелательства со стороны “хозяев” тех городов, где мне приходилось бывать. Возможно, это какое-то особое везение. А может быть, дело в том, что я повсюду ощущаю себя благодарным, как это было заявлено вначале, гостем, который считает правильным и ничуть не обременительным для чувства собственного достоинства при каждом удобном случае давать понять хозяевам, как в их доме уютно, как вкусно их угощение и какой чудесный у них вид из окна. Даже в том случае, если окна выходят на мусорные контейнеры. Не очень искренне? Возможно. Возможно, более искренний человек скажет, что квартира у хозяев тесная, что дети у них невоспитанные, а курицу они пересушили. А уж вид из окна...

Кстати, о виде из окна и о том, как бывает трудно угодить людям, ждущим повсюду подвоха. Один мой знакомый как-то жаловался мне на свою тещу – ну, сюжет вполне классический. Так вот, однажды по просьбе этой самой тещи он занялся обменом ее квартиры, неудобной и ужасно шумной, на другую, более приемлемую. Главным тещиным требованием был пресловутый вид из окна – чтобы обязательно зелено и, главное, тихо.

Он долго искал и смотрел разные квартиры. Наконец-то нашел, чтобы зелено и тихо. Причем он нашел то, что не просто тихо, а даже очень тихо. Привез тещу посмотреть. Приехали. Квартира теще понравилась: все расположено удобно и рационально. Этаж невысокий. Так что, если сломается лифт, ничего страшного. Кухня небольшая, но вполне.

Пошли смотреть вид из окна. Посмотрели. Теща взглянула на зятя и сказала: “ Ты что, издеваешься? Ты на что, собственно, намекаешь?” Дело в том, что окно выходило на кладбище.

Против естественного

Хотите узнать, какое было мое самое первое впечатление от города Хельсинки, куда я в далеком уже 1989 году приехал на поезде с чудесным названием “Лев Толстой”?

Вот какое оно было. Поезд подъехал к перрону поздним утром – около одиннадцати, если я правильно помню. В окне я увидел лицо своего финского приятеля и переводчика. Лицо это выражало жадное недоумение и было направлено вовсе не в сторону моего вагонного окошка, откуда я энергично, хотя и тщетно посылал ему приветственные знаки. Нет, лицо его напряженно глядело в совсем другую сторону, где и поезда-то никакого не было. Я вышел из вагона и сразу же увидел то, от чего никак не мог отвести очарованного и бесконечно изумленного взора мой приятель. Прямо посреди перрона сидела на корточках не очень уже молодая грузная тетка и, подобрав свою пышную юбку, производила довольно бурный процесс мочеиспускания. Завершив таким образом свой утренний туалет, тетка поднялась, поправила юбку и невозмутимо пошла восвояси, кокетливо поигрывая сумочкой.

Тут мой друг наконец-то заметил и мою смятенную фигуру. Торопливо поздоровавшись, я спросил: “А это... как его... это у вас так принято, что ли?” – “До сих пор мне казалось, что нет, не принято. Во всяком случае, за сорок лет я это увидел впервые”. Я, впрочем, тоже на протяжении этого, а также и всех последующих визитов в Финляндию ничего даже отдаленно похожего на описанный эксцесс не наблюдал. Более того, именно эта страна остается в моей памяти как место необычайной чистоты, повышенной опрятности и душевного спокойствия. Но как велико, согласитесь, искушение составить общее мнение о стране под воздействием первого, особенно столь яркого впечатления. Вот как тут не соблазниться и не соорудить в своей картине мира устойчивый образ Финляндии как страны, где все писают где ни попадя. “Финляндия – культурная страна? Ха, не смешите! Я сам видел, как люди ссут прямо на перроне”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.